
УДК 82-821
DOI 10.22455/2541-7894-2018-5-361-365

Андрей АСТВАЦАТУРОВ

КНИГА О БИТНИКАХ

(Хаустов Д. Битники. Великий отказ, или Путешествие в поисках Америки.
М.: РИПОЛ классик, 2017. 300 с.)

UDC 82-821
DOI 10.22455/2541-7894-2018-5-361-365

Andrey ASTVATSATUROV

A BOOK ABOUT THE BEATNIKS

(Khaustov, D. *The Beatniks. The Great Refusal, or Travels in Search of America.*
Moscow: RIPOL Klassic Publ., 2017. 300 p. (In Russ.))

© 2018 Андрей Алексеевич Аствацатуров (кандидат филол. наук, доцент; Санкт-Петербургский государственный университет, Россия) astvatsa@yandex.ru

© 2018 Andrey A. Astvatsaturov (PhD, Associate Professor; Saint-Petersburg State University, Russia) astvatsa@yandex.ru

Сразу оговорюсь и напишу слова, обязательные для рецензента: книга сильная, безупречная, филологически и философски, описывающая феномен битничества с должной глубиной и должным тщанием. Ее необходимо внимательно прочесть отечественным американистам, даже если они занимаются историей или экономикой. Ее следует рекомендовать филологам и философам, хотя бы на предмет того, как удачно в научном сочинении идут рука об руку философия и наука о литературе. Книга Хаустова исследует и, как положено всякой полезной книге, разъясняет, и это последнее качество делает ее необыкновенно важной для лекторов и педагогов, читающих курсы по литературе XX в. Наконец, я всячески рекомендую ее студентам.

У книги Дмитрия Хаустова множество достоинств. И одно из них, самое, наверное, принципиальное – ее титульный лист лишен привычной для нас сопроводительной фразы «поддержана грантом № XXX-X-XX». Стало быть, книга сочинялась по доброй воле, не как отчет о проделанной, вынужденной работе. Она написана для нас, для читателей, и нам остается лишь с благодарностью принять этот щедрый дар.

Автор книги Дмитрий Хаустов принадлежит к редкому и почти невозможному в современном научном сообществе типу ученого, который хочется обозначить словом «независимый». Дмитрий Хаустов читает лекции в московских вузах, в клубах, вокруг него сформировалась большая аудитория слушателей в Москве и в других городах. Наконец, он пишет научные книги, и эти книги высокого уровня. Но сам Хаустов официально не связан ни с одной институцией и не обременен учеными степенями.

Возможно, именно эти качества позволили ему написать такую яркую книгу и вольготно расположиться не только по ту сторону исследуемого объекта, как и положено всякому ученому, но и оказаться, следуя заветам Мишеля Фуко, на самой территории объекта.

А объект этот – бит-поколение – представляет собой великолепный образец делезовской фигуры ускользания, отказа, отрицания всякого наличествующего. Духовные лидеры бит-поколения отрицали за собой какие бы то ни было ценности, не признавали идеологий, философий, а в 1990-е, когда уже превратились в живых классиков, даже отрицали существование самого бит-поколения: его, дескать, просто не было; были отдельные фигуры, и у каждого был свой путь, свои задачи, а если пути случайно пересекались – так это уж происходило не так часто.

Дмитрий Хаустов хорошо представляет себе данную проблему. Он не анализирует некую литературную группу, а разбирает сам феномен битничества и рассматривает «идеального битника», строго говоря, никогда не существовавшего, соотнося его с такими же «идеальными» фигурами хипстера и европейского экзистенциалиста. Эти три фигуры, как справедливо утверждает Хаустов, похожи, но не тождественны. Экзистенциалист, ощущая разрушение смыслов, остается по эту сторону цивилизации, полагая необходимым и единственно для себя возможным существовать так, как если бы смыслы были. Битник, в свою очередь, делает шаг за пределы цивилизации в реальность жизненного потока, нередко тяготясь этим выбором (Жеруак), а хипстер полностью растворяется в чувственной жизненной практике, в коллективном бес-

сознательном, радостно круша кумиры, ценности и превращаясь в жестокое чудовище. Строго говоря, битник и хипстер – своего рода мечта экзистенциалиста, возможно, в случае хипстера, мечта кошмарная, наподобие той, которой наяву пришлось увидеть Теодору Адорно, когда левые студенты ворвались в его институт.

Определяя фигуры, определяя движение, Хаустов, тем не менее, обращается к конкретным текстам («Вопль», «Джанки», «Письма Яхе», «Голый завтрак», «В дороге», «Бродяги Дхармы»), рассматривая их с разной степенью приближения, иногда филологически, чаще – философски. Хаустов соединяет эти два контекста, историко-литературный и историко-философский, присовокупляя к ним третий – свое представление об американской ментальности (мечта, религиозность, миф о новом Адаме). Историко-литературный контекст широк – Хаустов совершает увлекательный экскурс в историю американской литературы (сс. 17 – 29), отмечая фигуры Г.Д. Торо, У. Уитмена, Г. Мелвилла, Г. Миллера, как очевидных предшественников бит-поколения. Однако по-настоящему его интересует контекст философский. Здесь одновременно проявляется как сила рассматриваемой нами монографии, так и ее некоторая слабость. По сути, философские теории XX в. становятся методологическим основанием исследования – не случайно Хаустов, читая помимо всего прочего замечательные лекции по литературе, предпочитает, тем не менее, называть себя «историком философии». В отношении данной книги эта характеристика автора точна в полной мере.

Хаустов рассматривает битничество сначала сквозь призму идей Адорно и Хоркхаймера, и битничество, в самом деле, идеально ложится в схемы «Диалектики Просвещения» вместе с американской ментальностью и, кстати, с британскими романами 1950-х гг. вроде «Повелителя мух» Уильяма Голдинга. В своем анализе Хаустов использует методологические ходы Фуко и Делеза (а на самом деле, Фрейда). Следующим крупным комплексом идей, позволяющим открыть реальность битников, становятся идеи Герберта Маркузе, затем Бахтина, Бодрийера. Надо сказать, что философия в книге нисколько не подменяет объект исследования, не подминает его под себя, а позволяет всякий раз взглянуть на него с нового ракурса.

И все же в этой книге мне не хватило именно механики текстов, живого разбора в духе «close reading». Хаустов, разумеется, говорит о поэтике – и неоднократно, но бегло, вскользь, делая акцент на тех инстинктах, к которым она апеллирует. Возможно, имело бы смысл

описать, систематизировать, осмыслить повторяющиеся в разных текстах приемы. Книга бы только выиграла от этого. Впрочем, она скорее задумывалась и сочинялась вопреки жесткой дисциплине – по крайней мере, стилистически. Дмитрий Хаустов уже с самого начала, с первых страниц отказывает научной речи в праве быть единственно возможной. Она, в конечном счете, победит, нальется силой и отодвинет остальные стратегии, которые – особенно в первых главах – явственно присутствуют, позволяя принять научный текст за художественный, за эссе или даже притчу. Хаустову не чужды пассажи Ницше и особенно Шпенглера с его знаменитым «я намереваюсь отныне...». Хаустов готов свернуть рассуждение или мнение в сильную обжигающую метафору, готов даже подменить логику идей логикой воображения. Но при этом его работа всякий раз сохраняет глубину серьезного исследования и четкое видение своего предмета, который необычайно сложен и притягателен.